

Поэт, журналист, солдат

ТАК ВОЕНКОРЫ СТАНОВЯТСЯ БОЙЦАМИ...

Практически в каждом номере мы рассказываем о наших героических земляках — тех, кто бьётся на передовой, и тех, кто по фронтовым дорогам доставляет им «гуманитарку». Но есть люди, о которых мы говорим редко, хотя их вклад в борьбу с неонацизмом такой же весомый. Это герои информационной войны. Многие из них уходят на передовую добровольцами, сменив перо на боевое оружие. Так поступил и наш коллега, внештатный корреспондент «Литературной газеты», поэт, прозаик Антон Хрулёв.

Он принимал участие в освобождении Донбасса, а сейчас всеми силами помогает сослуживцам, защищающим Россию от укронацистов. На днях, например, наш коллега собирал средства на бензопилу для бойца, который воюет на Донбассе с 2014 года. Мы тоже внесли посильную лепту.

БЫСТРЕЕ НА ПЕРЕДОВУЮ

— Антон, что для вас СВО?

— Лично для меня — священная война, как Великая Отечественная для наших предков. Так же, как они, мы сражаемся с восставшим нацизмом. Низверженный 78 лет назад в Берлине, он возвращался на Украину на американские деньги со времён Кравчука. Естественно, этот гнойник должен был когда-нибудь прорваться, потому что всё, к чему прикасаются руки США, ввергается в кровавый хаос. Югославия, Иран, Ирак, Сирия... Запад провоцирует военные конфликты под лозунгом «Мы несём мир». Но на самом деле всё наоборот: где американцы — там кровь.

— Как вы оказались в рядах добровольцев?

— В первый же день, когда в стране была объявлена частичная мобилизация, я отнёс в военкомат заявление с просьбой отправить меня на передовую. Но поскольку я не служил в армии, моё желание не было поддержано. В сентябре я ещё раз, уже более настойчиво, попросился в зону СВО. На этот раз просьба была услышана, и меня вместе с другими добровольцами отправили стрелком на Лиманское направление, где в то время велись ожесточённые бои.

— Вы же не служили в армии, откуда навыки в стрельбе?

— Я знал, что рано или поздно отправлюсь воевать. Поэтому готовился — индивидуально занимался с инструктором полевой стрельбой. Пришлось продать дорогой во всех отношениях подарок — коллекционные часы, чтобы приобрести дополнительную экипировку и кое-какую технику. Кстати, тогда меня неприятно поразили некоторые наши предприниматели, почему-то решившие, что мо-

гут быстренько нажиться на ситуации с СВО. Когда я первый раз покупал тактические перчатки, они стоили тысячу рублей. Буквально на следующий день они взлетели в цене, и вторую пару я брал уже за 2,5 тысячи.

Но справедливости ради стоит сказать, что очень многие бизнесмены с самого начала спецоперации серьёзно помогают нашим бойцам.

— Вы не кадровый военный, и наверняка ваши представления о том, что происходит в зоне боевых действий, отличались от реальности. Страшно было?

— Конечно. Это нормально — испытывать страх. Ненормально — не испытывать. Мне довелось видеть людей, у которых это чувство со временем притуплялось. И, поверьте, лучше бы они продолжали опасаться за свою жизнь. Например, у нас был парень, который в какой-то момент перестал пригибаться во время взрывов. В итоге ему насквозь пробило лёгкое осколком. К счастью, его удалось вовремя доставить к медикам.

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ

— Как к нашим бойцам относились местные жители?

— Не буду кривить душой: по-разному. Местных было немного, в основном старики, не захотевшие покидать

свои дома. Они относились к нам по-отечески, как к истинным защитникам от нацистов, обстреливавших их жилые дома. Но были среди них и предатели, за деньги продававшие информацию врагу. Как-то мы задержали местного жителя, вызвавшего у нас подозрение. При обыске у него были обнаружены карты с координатами мест дислокации наших военных.

А ещё мы познакомились с местным священником — иеромонахом Саввой, который исповедовал и причащал наших бойцов. Он рассказывал, как, отступая, вёсззшники прицельно били по храму, стремясь, видимо, сравнять его с землёй.

Мы с сослуживцами взяли шефство над батюшкой, снабжали продуктами, вещами первой необходимости, медикаментами. Всё это он потом передавал своим прихожанам.

— И всё же почему вы решили отложить в сторону перо и взять в руки оружие?

— Можете считать мои слова пафосом, но я патриот своей Родины. Если кто-то считает, что Донбасс — это не

наша территория, то пусть, как сейчас говорят, учит матчасть.

Ну и, как у многих, у меня в Великую Отечественную воевали родственники. Один из братьев бабушки похоронен в братской могиле в Чехословакии. А мой дед по отцовской линии был командиром легендарного Т-34. Во мне течёт кровь моих предков.

— Как к вашему решению отнеслась супруга?

— Достоин, как и положено русской женщине. Она тоже патриот своей страны, поэтому разногласий у нас не было. Перед тем как отправиться на передовую, я навестил могилы родственников и вместе с семьёй сходил в храм.

— Наш регион — один из самых активных по сбору гуманитарной помощи. Но всегда хочется узнать мнение тех, для кого она предназначена. Чего не хватает нашим бойцам?

— В основном строительных инструментов и технических средств: бензопил, генераторов, тепловизоров и, конечно же, беспилотников. Ещё не хватает машин, поэтому мои коллеги — военкоры, поэты, публицисты Алексей Шорохов и Игорь Панин запустили проект «Буханка» для Донбасса». Это гуманитарная миссия, которую взяли на себя писатели-патриоты. Мы собираем средства на микроавтобусы, находящиеся в хорошем состоянии, для Народной милиции ДНР. Военкоры сами, без посредников, переправляют их на передовую, передавая бойцам, что называется, из рук в руки.

ПОРА ВКЛЮЧИТЬ ГОЛОВУ

— Возвращаясь к теме патриотизма... События, происходящие на Донбассе и в Запорожье, кардинально изменили нашу жизнь, показав, кто из нас чего стоит. Многие стали открытием: например, мы разочаровались в тех, кого долгие годы считали кумирами. Как вы думаете,

что может укрепить патриотизм?

— Сложный вопрос. После распада СССР государство упустило из вида несколько поколений и, соответственно, не смогло привить им чувство патриотизма и любовь к Родине. Поэтому, как говорится, что выросло, то выросло...

Да, сейчас на государственном уровне патриотическому воспитанию молодёжи уделяется повышенное внимание, но, по моему глубокому убеждению, нельзя перекладывать весь воспитательный процесс на систему образования. Прежде всего это прерогатива родителей. Именно они, а не кто-то другой, несут ответственность за то, какими вырастут их дети. Мама и папа должны включить головы и задуматься над тем, что они прививают своим детям, какую культуру в них закладывают, какие книги с ними читают (и читают ли вообще), какие фильмы смотрят, в какие игры играют. Понятно, что в век компьютерных технологий невозможно отказаться от сотовых телефонов, но можно же сделать так, чтобы дети не проводили с ними в руках 24 часа в сутки. А сейчас доходит до того, что подростки, сидя на лавочке рядом друг с другом, общаются через соцсети. Удивительно, что многие из них ещё не разучились разговаривать.

— Я знаю, что вы пишете стихи, которые публикуются в том числе и в «Литературной России». Удавалось братья за перо между боями?

— Да, иногда, в редкие минуты тишины, рождались строки. Например, стихотворение «Наши души Господь излечит» писалось практически в окопе сразу после боя. Для меня оно ценно тем, что пропитано эмоциями атаки, разрывами лежащих рядом снарядов, запахом земли, криками товарищей.

*Наши души Господь излечит,
а тела от осколков мин
заживут.*

*Пусть узнает Запад,
что русский народ един!
Не считаем мы: чёт или нечёт.
Вышли мы из священной
войны —*

*наши предки за мир
сражались,
мы — достойные их сыны.
Труден путь, но иди, ползи...
Наши нервы в бою*

*закалялись,
ведь снаряды рвались вблизи.
За Донбасс и во славу
России*

*встали мы и в атаку идём.
Пусть узнает злорадный*

*Запад:
Мы фашизм до конца*

добьём.

Иван ДОБРЫЙ.

Фото из архива А. Хрулёва.

